

УДК 327 (575.2)

НАРОДНЫЙ ИСЛАМ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРНЫХ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ТРАДИЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КИРГИЗИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

О.Л. Сумарокова

Анализируется состояние ислама в кочевой среде киргизов, а также аспекты его влияния на конфессиональную образовательную систему к моменту вхождения Туркестанского края в состав Российской империи.

Ключевые слова: Туркестанский край; Российская империя; ислам; мектеб; модернизация; просвещение.

Вторую половину XIX в. можно считать апогеем стремительного территориального расширения границ Российской империи и окончательного придания ей евразийского характера. Включение в ее состав обширных европейских и азиатских территорий, население которых находилось на различных стадиях своего развития и отличалось этнокультурным, религиозным и языковым разнообразием, на тех или иных исторических этапах предполагало разработку различных политических механизмов интеграции последних в общеимперское пространство, основой единства которого закономерно служили православная вера и русский язык.

Последний своего рода “поликультурный диссонанс”, возникший в связи с окончанием процесса присоединения к России Средней Азии и обретением империей к 1885 г. 8265406 подданных-магометан [1, с. 29] (45 % от всего мусульманского населения страны), поставил перед российским правительством особую задачу – цивилизовать народы Западного Туркестана, приобщив их к общеевропейским культурным ценностям, научно-техническим достижениям, сохранив им их национальную самобытность, языки и вероисповедание. Принятию такого стратегического курса сопутствовал ряд этнографических экспедиций, имевших целью выявить степень исламизации коренного населения Туркестанского края, собрать информацию о существовавших в регионе конфессиональных школах, оценить силу и характер их влияния на мировоззрение своих воспитанников, а также спрогнозировать вероятные угрозы, которые несли в себе исламские альма-матер и странствующие муллы-проповедники.

Из всех населявших Туркестанский край народов, наибольшие надежды на быстрое восприятие общеевропейских ценностей возлагались на многочисленное не в достаточной степени исламизированное киргизское население, по мнению устроителя Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, “хотя и близкое сартам и татарам по происхождению и языку, но еще не забитое одностороннею, исключительно религиозною мусульманскою школьною мудростью и потому жизнеспособное и восприимчивое в отношении образования” [2, с. 140].

Этнонимом “киргизы” в дореволюционной российской и западноевропейской литературе обобщенно называли народ, проживавший на территории Средней Азии и Казахстана, делившийся на киргиз-кайсаков, или казак-киргизов (современных нам казахов), а также киргизов “дикокаменных”, или “каракиргизов” – “черных” киргизов (современных нам киргизов). К 1872 г. их общее число в Туркестанском крае сводилось к 1038000 человек, т. е. почти 2/3 всего населения [2, с. 128].

Как отмечают исследователи, политическая лояльность народов, населявших центральноазиатский регион, и разная степень религиозности находилась в прямой зависимости от их образа жизни – наибольшей была она у оседлых народов, а наименьшей – у кочевников: “Наиболее ревностно и фанатично выполняют все предписания ислама сарты и узбеки аральцы; довольно индифферентно относятся к религии казахи; каракалпаки же “представляют середину” [3, с. 19].

В книге советского этнографа Ф.А. Фильструпа “Из обрядовой жизни киргизов начала XX века” с трудом можно обнаружить признаки ислама в повседневной жизни киргизского народа. Впервые

в отечественных исследованиях это явление было подробно описано в собрании сочинений Чокана Валиханова: “Все писатели о киргизах говорят и почти во всех географических руководствах пишется, что киргизы магометане, но держатся шаманских обрядов, или, что они обряды мусульманские смешивают с шаманским суеверием” [4, с. 8]. Н. Зеланд в своем этнологическом очерке о киргизах писал, что они “равнодушны к догматическим вопросам и мало с ними знакомы... Зато фантазия киргиза оживляет окружающий мир таинственной деятельностью различных духов” [5, с. 31–32]. Исследователь киргизского быта А.И. Левшин в работе 1832 г. “Описание киргиз-кайсацких орд и степей” вообще приводит случай, когда, спросив киргизов, какой те веры, получил ответ: – “Не знаем” [6, с. 1].

Поверхностное развитие ислама в киргизском обществе и сохранение большинства элементов доисламских верований было обусловлено рядом историко-политических обстоятельств. Г.И. Бройдо в работе, посвященной восстанию киргизов 1916 г., касаясь религиозных влияний в киргизской среде, отмечал, что “будучи всегда под властью какого-либо народа, более развитого, киргизы подчинялись тем или иным религиозным течениям, иногда вводимым в их среду принудительно” [7, с. 14]. Первоначальное развитие ислам получил на территории Киргизии в связи с образованием Караханидского каганата (сер. IX – сер. XII вв.) – первого тюркского государства, где ислам стал государственной религией. Исламизация охватила преимущественно городское население.

В сознании кочевника наложение одной религиозной концепции на другую неизбежно вело к их синтезу. “У киргизов шаманство смешалось с мусульманскими поверьями, – писал Ч.Ч. Валиханов, – и, смешавшись, составило одну веру, которая называлась мусульманскою, но не знала Магомета, верила в Аллаха и в то же время в онгонов (духов предков – *О.С.*), приносила жертвы на гробницах мусульманским угодникам... Такие противоречия нисколько не мешали друг другу, и киргизы верили во все это вместе” [4, с. 9].

Многие стороны ритуальной жизни мусульман были восприняты киргизами от суфийских дервишей накшбандия. Приспосабливаясь к местным условиям, суфизм во многом способствовал созданию так называемого синкретического народного ислама с элементами доисламских верований и традиций тюркских кочевников.

К середине XIX в. формально практически все киргизы являлись мусульманами, а значит уверенными, что “люди, не чтущие пророка, суть неверные”, и в них учение это, хотя и в неясных очерта-

ниях, являлось уже верой укоренившейся, хорошо амальгированной с патриархально-родовыми архаическими воззрениями, с первобытной религией рода. В.В. Радлов, признавая существование в исламских верованиях языческих реликтов, тем не менее, отмечал, что “к инакомыслящим они (киргизы – *О.С.*) относятся с большим фанатизмом, чем казаки, и в их сказаниях повествуется о войне за веру” [8, с. 349]. Объяснить это отчасти можно было тем, что киргизские племена жили в тесном соседстве с “неверными” – представителями других конфессий – и были подвержены действию принципа религиозного контраста.

Одним из способов проникновения идей ислама в Среднюю Азию была сеть мусульманских конфессиональных школ – мектебов и медресе, возникших в Аравии в VII в.. Определить причины их популярности в мусульманском мире позволяет анализ исламской концепции “знания”, полярно отличной от европейской. Английский исследователь Франц Роузенталь писал: «В исламе концепция знания приобрела значительность, которой нет равных в других цивилизациях... В глазах Аллаха ценность знания столь велика, что первое открытое Им словом Священного Корана Пророку Мухаммаду было “Читай!”» [9, с. 17]. Устами пророка Мухаммеда разъяснялось человеку, что “знание”, требующееся от него в пределах его обязанностей – это элементарное признание Аллаха и соблюдение правил отношения с ним: “Прибавь себе разума, и прибавится близость твоя к Аллаху”. Аль-Газали определил “знание”, утверждаемое в Священной книге, как “знание обязательных действий” [10, с. 91].

Исламской концепцией знания был очерчен круг наук, обязательных на пути к познанию Аллаха. В их число входило изучение состояний души, таких как упование на Аллаха, богобоязненность и др.; чтение религиозных книг, разъясняющих правила совершения обязательных ритуальных действий – молитвы, поста, закята и хаджа; познание исламского права, толкование Корана и хадисов; освоение математических наук, медицины и необходимых обществу ремесел.

Данные религиозные установки фрагментарно легли в основу содержания обучения в мектебах Туркестанского края. На территории современной Киргизии они получили широкое распространение преимущественно на юге страны – там, где преобладало узбекское население, а на севере – в городах Токмак, Пржевальск и Пишпек. Киргизские начальные школы располагались, как правило, в юртах или под большими деревьями – чинарами или карагачем. Перекочевывая вместе с аулом из одного места в дру-

гое, “подвижные” магометанские школы, по словам А. Алекторова, “стоили очень дешево и вполне удовлетворяли киргизов” [11, с. 7].

При кочевом укладе быта киргизского народа обучение было достаточно затруднительным делом, однако неисполнение обязанности учить своих детей грамоте считалось большим грехом. Поэтому пусть на несколько недель, но “киргизы отдавали детей в мусульманскую школу, чтобы исполнить свой родительский долг” [12, с. 8].

Из официальных источников было известно, что в Семиреченской области в 1883 г. у странствующих мулл обучалось 3299 мальчиков и 579 девочек, преимущественно киргизов [13, с. 46]; в 1884 г. – 3845 учеников [14, с. 62]; в 1885 г. – 3402 ученика [15, с. 68].

Учительское сословие как социальной прослойки в исламском обществе Туркестанского края не было. Обучение “составляло свободную профессию, и учителем мог быть всякий способный для этого дела” [16, с. 120] – прежде всего, имам или муэдзин, писец казия или любой другой помусульмански грамотный человек, чувствующий в себе педагогическое призвание. Знаменитый казахский поэт, мыслитель и педагог XIX в. Абай Кунанбаев, обучавшийся одновременно в медресе и русской школе в Семипалатинске, утверждал, что “учения большинства таких степных учителей ложны и пагубны. Многие из них невежды, не знают подлинных законов шариата, а избирая путь богослужения, пытаются учить других при всей убогости собственных знаний, учения этих искусителей человечества вредны даже для псевдорелигий. Они находят себе опору среди глупцов, слова их – ложь, свидетельство их учености – четки, чалма и больше ничего!” [17, с. 99].

Приводить мальчика в туземную школу было принято, когда тому исполнялось 6–8 лет. Передавая его вместе с приношением учителю, отец кланялся и просил учить его сына хорошенько, произнося традиционную фразу “мясо твое, кости мои”, что давало учителю право на телесное наказание ученика, которое зачастую заканчивалось преждевременной кончиной учащегося. Из сочинения воспитанника Туркестанской учительской семинарии Байшамырова: “Учителя мактабов изобретательны на разные наказания. Но как бы учитель ни был жесток и изобретателен в этом отношении, т. е. в наказаниях, ученики боятся его и уважают” [16, с. 160].

Физическое наказание детей считалось обычным делом, полезность которого была обоснована в единственном методическом руководстве по начальному обучению мусульман “Матляну-люлюм”, написанном Али-Хан Маджмали. В нем го-

ворилось, что “те места тела, по которым родители били своих детей, на том месте возсияют небесным светом, если это дитя попадет в рай, и во всяком случае не будет гореть, ели даже дитя очутится в аду” [16, с. 128].

Наугад усвоив названия и изображения арабских букв, школяр радостно объявлял родителям, что завтра он переходит на хафтияк и будет называться уже “китабаном”, т. е. “изучающим книгу”. На заучивание глав этой книги у самого способного ученика уходил год. Заканчивалось обучение в мектебе чтением на непонятном детям языке религиозных сборников Ходжа-Хафиз, Суфи-Аллаяр, Фузули, Бидиль, Наваи. Важно отметить, что родные языки в мусульманской школе находились в абсолютном пренебрежении. Главное достоинство арабского языка как языка обучения (но не изучения – *О.С.*), по мнению исламских богословов, объяснялось тем, что на нем Аллах ниспослал последнее писание – Коран: “Это аяты Книги ясной. Поистине, Мы ниспослали ее [в виде] Корана арабского, – быть может, вы станете понимать [ее смысл]” (Коран 12:1-2) [18]. При этом обучение арабскому письму в мектебе сводилось исключительно к каллиграфии и не служило средством к изложению мыслей. А перевод Корана с непонятного большинству арабского языка на “природные языки” мусульман считалось большим грехом [19].

“Неудивительно, – писал Н.П. Остроумов, – если многие ученики выбиваются из сил, прежде чем окончат гафтияк и, оставляя мектеб, забывают все бессознательно заученные ими совершенно непонятные звуки, – и получается полный рецидив безграмотности” [16, с. 134–135]. Освоившие курс мектеба могли лишь читать механически знакомые книги, выводить буквы, списывать с оригинала. А нередко не умели и этого.

Исключительно содержанием конфессионального образования, столь популярного в исламской среде, возможно было объяснить тот факт, что при огромном числе конфессиональных школ, среди туземцев, согласно статистическим данным, было огромное число безграмотных. Так, согласно материалам статистики Туркестанского края в 1874 г., в Пишпекском уезде на 73080 человек приходилось 130 грамотных, что составляло 0,3 %. Иначе обстояли дела в Иссык-Кульском уезде, где на 39956 кочевников не было ни одного грамотного [20, с. 256–257].

Достоверными историографическими источниками по этому вопросу остаются краеведческие описания Туркестанского края, проводимые российскими исследователями в конце XIX – начале XX вв. Русский художник-баталист, писатель,

участник Среднеазиатских походов Н.Н. Каразин в своих “Путевых заметках художника и писателя о кыргызах” (1904 г.) отмечал: “Грамотности нет и в помине, и поэтому, если случайно встретится личность, могущая с трудом разобрать только заголовки к первой странице Корана, то ее считают учнейшей из учнейших мира сего” [21, с. 55].

С момента учреждения Туркестанского генерал-губернаторства мусульманская система образования в крае не могла не вызывать оценочную реакцию со стороны власти и была признана совершенно неудовлетворительной во всех отношениях – учебно-воспитательном, гигиеническом и жизненно-практическом. “В отношении жизненной приспособленности мактабы дают своим ученикам очень мало, так как, прежде всего, не научают их пользоваться свободно и умело грамотой и письмом на родном языке, не знакомят их с миром человеческой души и с окружающей природой и не дают детям никаких практических навыков, необходимых в жизни”, – писал Н.П. Остроумов [16, с. 140].

Однако на фоне огромного числа недостатков конфессиональных школ исследователи обнаруживали и положительные стороны, к примеру, отмеченное И.И. Гейером, “твердое познание мусульманского этикета и мусульманской вежливости, преподавание которых составлял предмет особой заботливости со стороны муллы” [1, с. 49]. Н.П. Остроумов в статье “Мусульманские мактабы и русско-туземные школы” писал о привитии в мектебах учащимся “внешней порядливости, сопровождающейся скромностью и почтительностью” [16, с. 141], так не достающих русским детям. Мусульманская школа поддерживала в учениках верность семейным правилам и традициям, не прививая в них новых привычек и потребностей. В значительной степени это объяснялось патриархальностью всех сторон жизни магометан, основанной на исламских догмах, неколебимых современными теориями социальных наук.

Признавая значительную роль ислама в общественно-политической и культурной жизни населения данного региона, в 70–90 гг. XIX в. нормой российского администрирования в русском Туркестане стал отказ от вмешательства в сугубо мусульманские дела и сохранение трех столпов исламской социально-религиозной системы – “...сети мусульманских начальных и высших учебных заведений, которые обеспечивали воспроизводство религиозного знания; сети мечетей и святых мест, обеспечивающих свободное отправление культа; сети шариатских судов, обеспечивающих поддержание мусульманских норм жизни” [22, с. 166–167].

Таким образом, имевшиеся у российских властей еще задолго до активного освоения Средней Азии достаточно ясно и четко сформулированные стратегические принципы исламской политики, – поддержание стабильности и воспитание лояльности, а в отдаленном будущем христианизация и ассимиляция – применительно к “стране тюрок” были подвергнуты коренной ломке, в частности исключению религиозного компонента из инструментария духовной интеграции азиатов. “Россия может показать миру на наиболее эффективную политику в реализации цивилизационной миссии... – заявлял М.И. Венюков, – Религиозная нетерпимость совершенно чужда русским людям...” [23, с. 114].

Сильнейшим оружием “цивилизационной миссии” в Туркестанском крае, без которого, по мнению туркестанской региональной власти, можно было прийти в новые земли, но невозможно было в них безболезненно для обеих сторон закрепиться, должны были стать русская школа и русский язык. Постепенная культурная трансформация традиционного киргизского общества посредством гибких форм образовательной деятельности, а также многостороннего научного изучения края лишь способствовала возрождению и сохранению киргизским народом собственной национальной идентичности, религиозной культуры и национального языка в условиях интеграции киргизского этноса на рубеже XIX–XX вв. в экономическое, политическое и культурное общероссийское пространство.

Литература

1. *Гейер И.И.* Весь русский Туркестан / Издал С.Р. Конопка / И.И. Гейер. Ташкент, 1908.
2. Кауфмановский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана I-го. М., 1910.
3. *Жданко Т.А.* Каракалпаки в научных исследованиях периода их присоединения к России (1873–1874) / Т.А. Жданко // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М., 2001.
4. Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. Том XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1904.
5. *Зеланд Н.* Киргизы. Этнологический очерк / Н. Зеланд // Записки западносибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. VII. Вып. II. Омск, 1885.

6. *Алекторов А.Е.* Материалы для изучения страны, истории и быта киргизов. Вып II / А.Е. Алекторов. Оренбург, 1892.
7. *Бройдо Г.И.* Восстание киргиз в 1916 г.: Мое показание прокурору Ташкентской Судебной Палаты, данное 3-го сентября 1916 г. / Г.И. Бройдо. М., 1925.
8. *Радлов В.В.* Кара-киргизы / В.В. Радлов // Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989.
9. *Роузенталь Ф.* Ислам и образование / Ф. Роузенталь. М., 2005.
10. *Абу Хамид аль-Газали.* Воскрешение наук о вере: Избранные главы / Абу Хамид аль-Газали. М., 1980.
11. *Раздыкова Г.М.* История мусульманского образования в Казахстане: учебное пособие для магистрантов и студентов гуманитарных специальностей / Г.М. Раздыкова. Павлодар, 2012.
12. *Иш-Мухаммед Букин.* Физическое и умственное воспитание у киргиз / Иш-Мухаммед Букин. Ташкент, 1883.
13. Обзор Семиреченской области за 1883 год. Верный, 1884.
14. Обзор Семиреченской области за 1884 год. Верный, 1885.
15. Обзор Семиреченской области за 1885 год. Верный, 1886.
16. *Остроумов Н.П.* Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае / Н.П. Остроумов // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1906. № 1.
17. *Абай.* Слова назидания / Абай. Алма-Ата, 1970.
18. Сура 12. Йусуф. [Электронный ресурс]: URL:http://sufism.ru/quaran/sura_12.html.
19. *Солнцев А.* Из религиозно-нравственной жизни киргизов Букеевской орды / А. Солнцев // Астраханские Епархиальные Ведомости, 1890. № 8, 11.
20. Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник / под ред. Н.А. Маева. СПб., 1874. Вып. 3.
21. *Каразин Н.Н.* Собр. соч. Кн. 12 / Н.Н. Каразин. СПб., 1904–1905.
22. *Шкуров Ш., Шкуров Р.* О воле к культуре / Ш. Шкуров, Р. Шкуров // Центральная Азия и Кавказ. 1998. № 321.
23. *Венюков М.И.* Россия и Восток: Собрание географических и политических статей / М.И. Венюков. СПб., 1877.